

Н. ВОЛКОВ

Орфей русского театра

Собинов пришел в театр с берегов Волги. Он был одним из тех ярославцев, о которых народ говорит: «Ярославцы все красавцы! Русы кудри — сто рублей, буйная голова — тысячная, а всему молодцу и цены нет!» Любовь к Волге, к крутым бережкам, к «текучей воде» Собинов сохранил на всю жизнь. Волга наделила его широкой русской натурой. Его ум был живым и любознательным, сердце — отзывчивым. Собинов был чуток и добр в общении с людьми, строг и требователен в своем искусстве.

Москва усыновила юного ярославца. Здесь прошли его университетские годы, здесь он окончил музыкальные классы Филармонического училища, здесь впервые облекся во фрак помощника присяжного поверенного и здесь в апреле 1897 года дебютировал на сцене Большого театра исполнением Синодала в «Демоне».

Лучшие традиции передового московского студенчества остались навсегда дорожками для Собинова. Его демократичность была органической, свободолюбие — горячим и искренним, социальный оптимизм — безграничным. В одном из своих писем 1905 года Собинов говорит: «...безвременье миновало, Кашей перестал быть бессмертным, идет весна, и она будет торжеством, где юности будет отведено самое почетное место, потому что на ней почтуют все надежды».

Вера в юность и «вечное студенчество» были в крови Собинова. Он никогда не переставал учиться, и каждая спетая им партия была сдачей экзамена в его собственной высшей школе. Только экзаминатор у Собинова был всегда безжалостен: его собственная, не терпящая никакого снисхождения, художественная совесть.

По-университетски подходил Собинов и к работе над образом. Готовил ли он Ленского или Ромео, Лозингина или Вертера, — пред ним всегда выстали груды книг, истории костюма, художественные издания. Он пропал в музеях и картинных галереях, рылся в лавках букинистов и антикваров. Для того, чтобы понять облик самозванца, он изучает труды Соловьева и Костомарова, идет в Грановитую палату посмотреть портрет дже-Дмитрия. Он хочет знать биографии своих героев, их привычки и свойства, их склонности и пристрастия.

Собинов всегда хотел не только петь, но и жить на сцене. И если он придирчиво и филигранно работал над вокальностью, то не меньше трудов он отдавал реалистической трактовке образа. Ровесник по своему творческому возрасту Московскому Художественному театру, он шел нога в ногу со своими знаменитыми драматическими собратьями. Так же как и они, он искал жизненной правды. Он не любил в творчестве пустого сердца и высоко ценил те спектакли, где ему казалось, что он сам переживает чувства своих героев. И как он радовался, когда, исполняя Ленского, у него после ссоры на балу «даже руки дрожали».

Никогда не повторять в искусстве ни себя, ни других было одним из правил Собинова. Он победил Фигнера в Ленском не потому, что лучше пел, а потому, что он воплотил в своей игре и поэтический образ Пушкина и музыкальный замысел Чайковского. Он не повторял себя, ибо не понимал, как можно удовлетворяться достигнутым. Творческий рост его исполнения шел от спектакля к спектаклю. Даже в самых

Л. В. Собинов. Портрет А. АНДРЕЕВА (1923 г.)

удачных ролях он никогда не ставил точки. Его выход на сцену был для него всегда «премьерой». Его искусство было для него крутой лестницей. А каждый прожитый в театре день — всего лишь ступенью по пути в высь.

Голос Собинова был солнечным лучом, падающим в зрительный зал. Можно найти десяток самых красивых эпитетов для характеристики его тембра и звука. Но все это, очень верное, будет в то же время и очень приблизительным. Чистейший образец лирического тенора, Собинов никогда не стремился переступить положенные ему природой грани. Осторожный в вопросах тесситуры, он отказался раз навсегда от партии Хозе и быстро перестал петь Джеральда в «Лакме». Только ради Германии он был готов нарушить свой обет. Но Герман остался для Собинова неуловимой мечтой, хотя он до последних лет не расставался ни с клавирами Чайковского, ни с повестью Пушкина.

Пение Собинова было торжеством русского «белканто». Это было именно русское, а не итальянское «красивое пение». Слушая лучших итальянских певцов, можно было наслаждаться мощью и красотой звука, можно было ждать с напряженным вниманием какого-нибудь до диеза. Собинов покорял слушателя душевностью своего пения. Его вокальная красота была в то же самое время красотой душевной. И он сам больше всего дорожил моментами, «когда вместе с залом аглодирует и хор, и рабочие на сцене, и сторожа». Это «значит», — говорит Собинов, — что искусство в данную минуту исполнило свою первую священную заповедь: оно дошло до человеческой души и на безмерную высоту отделило ее в эту минуту от грешной, неприветливой оболочки».

Диапазон голоса определял для Собинова круг его ролей. Он был Ленским и Дубровским, царем Берендеем и Князем в «Русалке», Ро-

мео и Кавалером де Грие, Вертером и Альфредом в «Травиате». Он почти всегда был на сцене человеком первой любви. Его палитра была палитрой влюбленности, его реализм — реализмом романтическим. Из всех времен года его герои знали лишь весну. И никогда серебро седины не казалось их черных кудрей.

В «Лозингине» Вагнера и в «Орфее» Глюка Собинов создал образы, полные духовной значительности. Готовясь к выступлению в «Лозингине», он выписал из Германии множество рисунков. Эти рисунки, заметил он с юмором, «сослужили мне только одну службу, я убедился, как не следует делать Лозингина». Прочитав у Веселовского, что в основе истории Лозингина лежит не германский, а кельтский элемент, он решительно отказался от интерпретации Лозингина в духе немецкого шовинизма и милитаризма. Его Лозингин стал «юным рыцарем, обладателем всеобъемлющего знания, сильным духом». И когда одним из спектаклей «Лозингина» дирижировал в Москве Артур Никиш, он говорил потом о Собинове: «Какое небесное видение! Какой небесный голос! Я дирижирую и чувствую, что невольная слеза катится по моей щеке...»

И таким же «небесным видением» был Собинов в «Орфее» Глюка, где образ легендарного певца античности воскресал во всем своем благородстве, когда пел Собинов. А знаменитая ария «Потерял я Эвридику» в его исполнении, казалось, не вмещала всей той скорби, какую вложил в прозрачную и стройную музыку кавалера Глюка русский Орфей.

Весной 1917 года исполнилось двадцатилетие сценической деятельности Собинова. Ему было 45 лет. Он был в расцвете своих творческих сил, на высоте своей славы. Революция поставила перед театром новые задачи, открыла широкие и светлые горизонты. С кипучей энергией Собинов отдался художественной и общественной работе для блага своего народа, для строительства нового, социалистического общества. Народность, глубина и искренность его искусства, пленительность и душевность его пения обеспечили Собинову любовь самых широких кругов зрителей. На одном из своих юбилеев Собинов закончил свою речь взволнованным восклицанием: «Да здравствует жизнь! Да здравствует Труд!» В этих словах был «весь Собинов». Его творчество было утверждением жизни. Его жизнь была неустанным трудом во славу родины и родило искусство.

Собинов умер десять лет назад, когда начиналась его «вторая молодость», как академик вокального искусства, как воспитателя и руководителя оперной молодежи. В союзе со Станиславским он мечтал поднять русское вокальное искусство на новую, небывалую высоту. Свой драгоценный опыт мастера оперного реализма он хотел передать без остатка тем, кто являются наследниками лучших заветов прошлого. Нить жизни Собинова оборвалась раньше, чем он совершил все намеченное. Но «подвиг прижизненной славы» превратился в Собинова в славу посмертную. И в пантеоне лучших сыновей русского народа имя Собинова останется навсегда окруженным благодарной памятью новых поколений.

Памяти Л. В. Собинова

Сегодня исполняется 10 лет со дня смерти Л. В. Собинова. Театры и художественные организации Москвы проводят спектакли, вечера и концерты памяти великого артиста.

Сегодня днем делегация Большого театра Союза ССР в составе К. Держинской, Е. Катильской, И. Козловского, Я. Леонтьева, Н. Озерова, Е. Степановой и др. возложит цветы на могилу Л. В. Собинова на Новодевичьем кладбище.

★

Вчера в Большом театре Союза ССР состоялся 900-й спектакль оперы Чайковского «Евгений Онегин». Спектакль был посвящен памяти Л. В. Собинова, который впервые спел партию Ленского на сцене Московского Большого театра 13 апреля 1898 года. Во вчерашнем спектакле выступали: И. Козловский (Ленский), П. Селиванов (Онегин), Е. Кругликова (Татьяна), Б. Златогорова (Ольга). Дирижировал А. Меллик-Пашаев.

Первый спектакль «Евгения Онегина» был показан на сцене Большого театра 63 года назад — 11 января 1881 года в бенефис дирижера Бевиньяни. Спектакль был поставлен режиссером Дмитриевым в оформлении художника Вальца. Партию Онегина исполнял Хохлов, Ленского — Усатов, Татьяна — Верни, Ольга — Крутикова.

Л. Собинов в роли Владимира Игоревича («Князь Игорь»).

Л. Собинов в роли Князя («Русалка»).